

КТО ОТВЕЧАЛ ЗА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В XIX В.? ПРЕДСТАВЛЕНИЯ А. И. ЧИХАЧЕВА О ВОСПИТАНИИ КАК О СЛУЖБЕ ГОСУДАРСТВУ

К. ПИККЕРИНГ-АНТОНОВА

Шуйский помещик «средней руки» А. И. Чихачев (1798–1875) оставил после себя необычайно богатый личный архив. С большим интересом Чихачев занимался вопросами воспитания, которое он понимал как основное занятие дворянина, его обязанность. Деятельность дворянина-воспитателя противопоставлялась им материнскому «вскармливанию», т. е. обеспечению детей всем необходимым, включавшему в себя не только ведение домашнего хозяйства, но в некоторых случаях и управление всем имением и семейными финансами. Мужская роль в процессе воспитания понималась Чихачевым как интеллектуальное занятие, олицетворение идеала службы государству, а также ее важнейшая разновидность, ставшая доступной для дворян как следствие Манифеста о вольности дворянства 1762 г. Для Чихачева надлежащее воспитание детей стало единственным способом привить нравственные добродетели русскому народу в целом (как дворянам, так и крестьянам), а также противодействовать разрушительным, по его мнению, влияниям городской культуры и секуляризма. В газетных статьях он стремился выразить свои идеи как часть мировоззрения небогатого помещичьего дворянства, подчеркивая особое значение воспитания и образования молодежи для преодоления трудностей сельского хозяйства в России и для аграрных реформ в целом. Однако доминировавший в то время столичный политический и интеллектуальный дискурс в целом просто не заметил эти голоса из провинции. Воззрения, схожие со взглядами Чихачева, так и не стали преобладающими в ходе дальнейшего развития образования в России, но некоторые из них все же нашли отражение в деятельности первых поколений профессиональных педагогов конца XIX в., которые, в частности, придавали особое значение роли родителей в образовательном процессе.

В 1850 г. никому не известный шуйский помещик Андрей Иванович Чихачев писал, что «воспитание дает нам все, делающее нас счастливыми»¹. Эти слова очень точно определяют всю жизнь человека, посвятившего себя сначала воспитанию собственных детей, а потом и написанию публицистических статей, в которых он призывал провинциальное дворянство перенять его педагогический опыт. У Чихачева вместе с женой было около 300 крепостных «душ», что позволяло им жить вдали от Москвы и Петербурга довольно комфортно, хотя и не особенно роскошно. В семье Чихачевых существовало достаточно четкое разде-

¹ Чихачев А. И. Мысли сельского жителя о губернской газете // Владимирские губернские ведомости. 1850. № 45. С. 249–251.

ление труда: Наталья Ивановна управляла имениями и вела счет деньгам, тогда как Андрей Иванович в 1830-х и в начале 1840-х гг. руководил образованием детей и занимался их нравственным развитием. В 1845 г., когда дети уже подросли, он опубликовал свою первую статью и в течение двух десятилетий оставался постоянным корреспондентом «Земледельческой газеты», издававшейся главным образом для таких же, как и он сам, помещиков средней руки.

К середине XIX в. в России уже появилось немало мыслителей (главным образом мужчин), которых живо волновал вопрос воспитания детей, как ради пользы для государства (начиная с XVII в.), так и (с XVIII в.) в целях развития личности. Появлялись все новые образовательные модели, начиная с более ранних систем домашнего обучения под руководством специальных наставников и под общим надзором семейного патриарха и кончая размножившимися в правление Екатерины элитными мужскими и женскими учебными заведениями, а также местными училищами и семинариями, предназначенными для менее привилегированных учеников. Как пишет К. Келли, самая современная в середине XIX в. педагогическая система предусматривала руководящую роль глав семьи в подготовке своих жен к тому, чтобы те, в свою очередь, могли полностью посвятить свои силы выращиванию будущих просвещенных граждан².

Многочисленные работы Андрея Чихачева, и опубликованные, и частного характера, дают подробное представление о том, как эти интеллектуальные нововведения воспринимались в широких слоях общества и как воспитание молодых дворян осуществлялось на практике. Его методы воспитания собственных детей, а также то значение, которое он придавал воспитанию в своих более поздних трудах, отражают все разнообразие меняющихся взглядов на данный предмет. Для себя лично Андрей Иванович определял основное значение воспитания как обязательство перед государством и как важнейшую обязанность любого вышедшего в отставку дворянина³. В то же время Чихачев признавал введенный Николаем Новиковым императив образования как средства подготовки не только к государственной службе, но и к служению соотечественникам вообще. Он рекомендовал воспитание как лучшее и даже единственное средство для вселения в детей «добросовестности». Чихачев часто использовал это слово, чтобы обобщить все добродетели, которые он желал видеть в своих детях и во всех других детях России: набожность, трудолюбие, любознательность, а также чувство долга по отношению к царю и к ближним. В отличие от аристократических кланов, таких как Бестужевы и Бакунины, перешедших от этих идей к более радикальным умозаключениям, Чихачев даже не заигрывал с демократическими

² Kelly C. Educating Tat'yana: Manners, Motherhood and Moral Education (*Vospitanie*), 1760–1840 // *Gender in Russian History and Culture*. New York, 2001. P. 1–28.

³ Дополнительную информацию и ссылки на источники см. в главах 8 и 9 моей книги: *An Ordinary Marriage: The World of a Gentry Family in Provincial Russia*. New York, 2012. Основные положения этой статьи основываются на детальном прочтении дневников А. И. Чихачева (за 1830–1831 и 1842–1847 гг.), четырех томов неформальных «почтовых сношений» Чихачева с его другом и зятем Яковом Чернавиным в 1834–1837 гг., а также нескольких десятков статей, опубликованных Чихачевым в 1845–1866 гг. в «Земледельческой газете» и «Владимирских губернских ведомостях» (см. <http://www.kpantonova.com/research/book/bibliography/>). Семейный архив семьи Чихачевых хранится в Государственном архиве Ивановской области (ГАИО). Ф. 107. Оп. 1.

аспектами индивидуального воспитания и вместо того сосредоточился на религиозном развитии души, которое, на его взгляд, было необходимым основанием нравственного поведения человека в обществе.

Программа Чихачева

Содержание образовательной программы, разработанной Чихачевым для своих собственных детей, главным образом отражало энциклопедизм эпохи раннего Просвещения и в особенности потребность каталогизировать и запоминать как можно более значительный объем информации. Андрей Иванович тщательно собирал отдельные факты, почерпнутые из книг, записывал их в тетрадях в алфавитном порядке и даже изобрел особые игры для того, чтобы облегчить детям запоминание географических терминов и названий. В то же время программа обучения включала в себя и элементы, характерные для более позднего периода эпохи Просвещения, подчеркнутое внимание и даже любовь к литературе, пейзажу и родным местам. Таким образом, на уроках географии изучались в основном те губерния и уезд, в которых проживали Чихачевы (дети часто сопровождали отца в его поездках, и мы можем только представить себе проводившиеся им внезапные проверки знаний и — вероятно — натянутые восторги детей). Дети также участвовали в вечернем ритуале чтения родителями вслух новейших романов, пьес и журналов, а потом их обсуждения. Кроме того, шурин Андрея Ивановича, служивший во флоте и относительно неплохо знавший математику, давал детям ее уроки, в частности обучил их производить топографическую съемку холма недалеко от деревни. Андрей Иванович любил изготавливать обучающие игрушки, такие как настенные часы или «детский насос», и даже составил свой собственный сборник упражнений по французской грамматике. Для обучения немецкому языку и латыни приглашались особые учителя (воспитанники местной семинарии), но история, литература и чистописание были уделом Андрея Ивановича, позволяя ему проводить значительную часть своего времени в чтении и написании писем, так как эти занятия считались подготовкой к детским урокам.

Андрей Иванович также учил своих детей Закону Божьему, но эти уроки были лишь небольшой частью религиозного обучения, которое для него представлялось фундаментальной основой воспитания. Для обучения детей основам религии Чихачев использовал свой собственный пример, что делало совершенно необходимым домашнее обучение, состоявшее в чрезвычайно близком повседневном общении между отцом и детьми; в этом (а также в нескольких других принципах) система Андрея Ивановича отличалась от большинства широко распространенных в императорской России образовательных моделей. Чихачев сам водил детей в церковь и позволял им присутствовать на семейных чтениях духовной литературы, а также во время своих дискуссий с местными священниками. Позднее, когда дети подросли и продолжили обучение в Москве, он постоянно делал им внушения как религиозного, так и общеобразовательного характера, совещался с их учителями, а также читал и комментировал дневник сына Алексея⁴.

---

⁴ Личные документы дочери Чихачева, Александры, к сожалению, не сохранились, но письма и дневники его самого указывают на то, что на раннем этапе ее образование не от-

В 1845 г. Андрей Иванович возил все свое семейство на паломничество в Киев, а после того как дети выросли (продолжая следовать его примеру и наставлениям), занялся благотворительностью и с особенной гордостью носил звание «ктитора», т. е. выборного церковного старосты.

Наконец, педагогическая система Чихачева должна была отражать последние достижения сельскохозяйственной и промышленной технологии, что особенно поощрялось местным отделением Московского общества сельского хозяйства, членом которого он состоял. Андрей Иванович возил детей на экскурсии на речные шлюзы и на текстильные фабрики в Иваново и Тейково, знакомил их с купцами и промышленниками и учил оценивать дворянские имения с точки зрения их производительности⁵. В своих статьях он советовал дворянам своего уровня достатка посылать сыновей в местные сельскохозяйственные училища вместо более престижных, но менее полезных столичных учебных заведений⁶.

В общем, программа Андрея Ивановича была на удивление широкой и в то же время углубленной; его дети оказались хорошо подготовлены по всем предметам, в то время считавшимся важными для дворянской молодежи, а также по некоторым предметам и направлениям, внимание на которых в элитных учебных заведениях обычно не акцентировалось. Самое главное убеждение Чихачева состояло в том, что его педагогика должна была сформировать честных и добродетельных молодых людей. Занимаясь с детьми заботливо и преданно с самых ранних лет, он позднее смог поместить их в московские учебные заведения (а сына и на военную службу) в полной уверенности в том, что благодаря твердому основанию, полученному от отца, они смогут сопротивляться сворачивающим, в понимании Андрея Ивановича, городским влияниям секуляризма, а также лени, нездоровым воздуху и пище. Кстати говоря, так и вышло впоследствии: хотя сын Чихачева, Алексей, так и не смог удовлетворить ожиданий отца в сфере интеллектуального развития, но и он, и его сестра всю жизнь оставались набожными, верными и, самое главное, послушными детьми.

Обязанности матери

Одним из важнейших принципов педагогической мысли середины XIX в., полностью отсутствующим в программе Андрея Ивановича, было новомодное тогда еще понимание воспитания как в первую очередь материнской обязанности, хотя эта идея, несомненно, уже развивалась в это время в России (возможно,

---

личалось от образования брата Алексея. В отроческом возрасте Александра наверняка обучалась основам домашнего хозяйства у матери, после чего ее отдали в частный пансион в Москве, тогда как Алексей учился в Московском дворянском институте и впоследствии поступил на военную службу.

⁵ На тему Московского общества сельского хозяйства и участия в нем Чихачева, см.: *Smith-Peter S. Books Behind the Altar: Religion, Village Libraries, and the Moscow Agricultural Society // Russian History. 2004. No. 3. P. 213–233.*

⁶ Тема образования крепостных крестьян поднимается в ст.: *Smith-Peter S. Educating Peasant Girls for Motherhood: Religion and Primary Education in Mid-Nineteenth Century Russia // Russian Review. 2007. No. 3. P. 391–405.*

что она была заметна в более высокопоставленных и космополитичных семьях)⁷. Обязанности матери для Андрея Ивановича уже и так были четко определены как управление имением. И Андрей Иванович, и его жена Наталья Ивановна представляли себе управление имением как заботу о материальном благосостоянии своих домочадцев — как детей, так и крепостных крестьян. Другими словами, задача матери была «вскормить», тогда как отец должен был «воспитать», и обе эти задачи простирались не только на собственных детей, но и на крестьян, проживавших в их имениях. Чихачев считал, что управление имением было делом практическим, а не интеллектуальным или нравственным и, помимо того, относившимся к географически ограниченной сфере их земель и деревень, а не гораздо более обширной сфере общества и государства, которую он, как мужчина, считал своей прерогативой. Таким образом, Андрей Иванович мог понимать задачу воспитания детей и руководства их нравственным развитием как несомненно отцовскую, мужскую обязанность, потому что это дело касалось интеллектуальной, абстрактной области службы царю и человечеству.

Такая формулировка может показаться несколько экстравагантной, как нам сегодня, так, возможно, и тем высокопоставленным дворянским семьям XIX в., в которые западноевропейские культурные нормы проникли глубже, нежели в семьи Чихачевых и их соседей. Однако историк Мишель Маррезе недавно показала, в какой степени управление собственностью было общепринято для русских дворянок в XVIII и XIX вв. и что «дом» понимался как совокупность имений, позволяя тем из русских, кто был знаком с общеевропейской риторикой дворянской жизни, не видеть никакого противоречия в том, что основная роль матери состояла в надзоре за обширным крепостным хозяйством⁸. Маррезе и другие исследователи также полагают, что наши представления о российском дворянстве как о полностью европеизированной и говорящей в основном на французском языке группе, в основном полученные из художественной литературы, не соответствуют реалиям настоящих дворян, большинство которых скорее напоминало Чихачевых и их соседей: они говорили по-русски, жили в деревне и были скромно образованными, набожными и политически консервативными людьми, за всю свою жизнь так и не проявившими особенного интереса к тем вопросам, которые, как известно, преобладают в литературных и исторических работах о высшей российской аристократии⁹.

Целеустремленный человек

То, что мы знаем о жизни Андрея Чихачева, коренным образом меняет существующие представления о том, как государство и общество в императорской

⁷ Помимо книги К. Келли, см.: *Wortman R. The Russian Empress as Mother // The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research / D. Ransel, ed. Urbana, 1978. P. 60–74.*

⁸ *Marrese M. A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca, 2002.*

⁹ *Marrese. The Poetics of Everyday Behavior' Revisited: Lotman, Gender, and the Evolution of Russian Noble Identity // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. No. 4. P. 701–739; Cavender M. Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. Newark, 2007.*

России боролись за свои права и прерогативы в сфере образования, показывая, что и после отмены обязательной службы для дворян в 1762 г. роль неслужащего или отставного помещика могла пониматься как важная и значимая благодаря его роли как педагога. Такое понимание, конечно же, идет вразрез с широко известным образом «лишнего человека», созданным интеллигенцией. Однако множество появившихся в последнее время исследований показывает совершенно особое понимание службы и роли помещиков-мужчин среди небогатых дворян и образованных членов городских и коммерческих сословий¹⁰. Например, вышедшая недавно книга Барбары Алперн Энгель об институте развода в России в позднеимперский период показывает, что многие мужчины из средних классов общества стремились не столько к финансовому успеху, сколько к повышению своей «культурности», т. е. участию в интеллектуальной жизни и приобретению имиджа хорошо образованного человека. Именно это самовосприятие как человека образованного и уверенно участвующего в интеллектуальном дискурсе (хотя это участие и игнорировалось интеллигенцией), которое представители средних слоев российского общества середины XIX в. энергично пытались достичь сами, а также укоренить в своих детях, у Андрея Чихачева присутствовало в полной мере и, более того, понималось им как надлежащее и значимое положение для помещиков средней руки. Андрей Иванович имел свое собственное определение «бесполезного, жалкого существа», имея в виду такого дворянина, который слишком подолгу жил в городах (находясь на гражданской или военной службе), становясь в результате «чуждым сельского хозяйства», что приводило к ослабленному «телесному составу», который был не в состоянии справиться с трудностями сельской жизни и делал дворянина бесполезным¹¹. Согласно Андрею Ивановичу, дворяне должны были (как и сам Чихачев) осознать, что их надлежащее занятие — нравственное и интеллектуальное руководство развитием как дворянской молодежи, так и крепостного населения. Но прежде чем руководить воспитанием других, дворяне должны были сосредоточиться на самообразовании.

Чихачев, конечно же, замечал надвигающуюся в дореформенный период опасность раскола и нестабильности в русском обществе, а также усиливавшиеся в то время экономические и политические проблемы. Но он твердо верил в то, что хотя корень всех российских проблем и крылся в воспитании (когда благодаря урбанизации его понимали неправильно), в то же время оно могло эти проблемы решить, если бы только отцы — главным образом дворяне — выполняли свой нравственный долг как моральные руководители и педагоги¹². Надо еще раз

¹⁰ *Smith A.* Recipes for Russia: Food and Nationhood under the Tsars. DeKalb, 2011; *Grigoryan B.* Noble Farmers: The Provincial Landowner in the Russian Cultural Imagination. Ph.D. Diss. Columbia University, 2011; *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001; *Engel B.* Breaking the Ties that Bound: The Politics of Marital Strife in Late Imperial Russia. Ithaca, 2011.

¹¹ *Чихачев.* Патриотическое сочувствие [sic] к училищу сельского хозяйства для потомственных дворян // Владимирские губернские ведомости. 1849. № 52. С. 253–254.

¹² См.: *Чихачев.* Два слова о работах господских людей // Московские губернские ведомости. 1847. № 72. С. 563–564. Эта статья несомненно основывалась на отмеченных в его личных бумагах наблюдениях о том, что молодые люди, окружавшие Андрея Ивановича, были менее

подчеркнуть, что идеи Чихачева резко противоречили взглядам большинства представителей интеллигенции того времени: как западников, которые объясняли российские проблемы социо-экономическими и политическими факторами, так и славянофилов, которые разделяли многие из воззрений Андрея Ивановича, но были настроены гораздо более критически по отношению к государству, чем было допустимо для Чихачева.

Периодические издания и рациональное земледелие

Основывая свои идеи на своем собственном успешном опыте самообразования, Андрей Иванович рассматривал задачу, как стать просвещенным родителем, сквозь призму идей раннего Просвещения: эта задача была доступна любому человеку, способному осознать ее важность и прочесть «две-три наблюдательные отметки» в газете¹³. По мнению Чихачева, если бы отцы изучали эти основные принципы и передавали их своим детям через воспитание, жизнь немедленно улучшилась бы для всех людей, поскольку развратная лень городской жизни была бы заменена на «добросовестность». Этот взгляд, хотя и находился в сильном противоречии с более известными интеллектуальными течениями XIX в., является примером примечательного направления общественных дискуссий о сельском хозяйстве и роли в нем дворянства, которое доминировало в периодических изданиях 1820-х и 1830-х гг. (постоянным читателем их был и Чихачев)¹⁴.

Редакторы журналов середины XIX в., особенно известные своей направленностью на массового читателя Осип Сенковский и Фаддей Булгарин, иногда придумывали воображаемых помещиков, якобы пишущих для их журналов статьи, и публиковали эти статьи вместо статей настоящих помещиков, поскольку последние или вообще таковых не присылали или их статьи не удовлетворяли запросам редакторов¹⁵. Ведь реальные землевладельцы (примером из более ранней эпохи здесь может служить знаменитый Андрей Болотов), сообщавшие под своим подлинным именем о настоящих сельскохозяйственных опытах, часто рассказывали о неудачах и разочарованиях. В результате многие издания после всплеска публикаций о сельском хозяйстве в 1820-х и 1830-х гг., в начале 1840-х потерпели неудачу, и большинство журналистов решило, что кампания продвижения идей рационального земледелия не удалась. Им и в голову не приходило обвинить самих себя в неумении найти своего читателя; вместо этого они уверились, что вина лежала на публике, которая им казалась очевидно ленивой и безразличной¹⁶.

набожны, чем представители предыдущих поколений. См., например: ГАИО. Ф. 107. Оп. 2. Д. 98. Л. 2 об.

¹³ Чихачев. Мысли сельского жителя о губернской газете // Владимирские губернские ведомости. 1850. № 45. С. 249–251.

¹⁴ Анализ этих дискуссий см. в: Antonova. An Ordinary Marriage, гл. 8.

¹⁵ Grigoryan. Noble Farmers; Frazier M. Romantic Encounters: Writers, Readers, and the Library for Reading. Stanford, 2007.

¹⁶ Grigoryan. Noble Farmers. P. 51; Smith. Recipes. Соппротивление дворян кампании, ставшей себе целью пересмотреть их роль как землевладельцев, обсуждается в книге Б. Григорян

Принимая во внимание данные Мишель Маррезе о том, как часто женщины управляли дворянскими имениями, некоторые исследователи заметили, что эта неудача издателей частично объясняется направленностью всей кампании исключительно на читателей-мужчин, а также ее неправильным формулированием (рациональное земледелие заменяло службу; женщины, конечно же, не служили, и земледелие не было для них новым занятием)¹⁷. Это почти несомненно так. Потому что в то же самое время (в 1840-х гг.), когда даже самые заметные участники кампании за рациональное земледелие теряли надежду, «Земледельческая газета» процветала благодаря своим постоянным корреспондентам из провинциального дворянства, таким как Чихачев, и направленности исключительно на провинциального читателя. Эти провинциалы обсуждали роль помещика именно с теми уверенностью, новаторством и энтузиазмом, которые так заметно отсутствовали в элитарном дискурсе, полностью противореча предубеждениям элит касательно общественного мнения вне столичных городов. Андрей Иванович одинаково жадно прочитывал любое периодическое издание, попадавшее к нему (также одалживая каждый номер нескольким друзьям, родственникам и соседям). Он был членом Московского общества сельского хозяйства и таким образом полностью посвящен в дискуссии того времени о рациональном земледелии, но, судя по всему, пессимизм 1840-х гг. лишь воодушевил Чихачева: в 1845 г. он сам начал писать статьи и стал плодотворным журналистом именно в то время, когда публицисты-интеллигенты перешли на другие темы¹⁸.

Сельские реформы

В тесной связи с кампанией за рациональное земледелие в прессе первой половины XIX в. велась широкая дискуссия о роли дворянского сословия после манифеста 1762 г. В то время как столичные критики были уверены, что управление имениями могло стать для дворян новым служебным поприщем, провинциальные помещики уровня Андрея Чихачева не видели никаких затруднений в вопросе о том, *кто* должен был управлять поместьями (это делали женщины, возможно отчасти потому, что многие мужчины продолжали служить и после 1762 г.). Сложности заключались только в отсутствии у некоторых помещиков необходимых финансовых и интеллектуальных ресурсов или же в упрямстве и невежестве крестьян (а также некоторых помещиков). Андрей Иванович считал, что эту проблему, как и любую другую, можно решить путем воспитания.

В начале XIX в., когда интеллигенция, государство и провинциальные публицисты признавали необходимость реформирования российского сельского хозяйства, большинство столичных и чиновных авторов заключило, что будущее — за вестернизацией технологий и особенно за распространением сельскохозяйственных знаний. Провинциальные же читатели, судя по статьям Чихачева и других корреспондентов «Земледельческой газеты», вместо этого намеревались

на примере произведений Гончарова, в которых это сопротивление было выражено открыто. См.: Noble Farmers. P. 24.

¹⁷ Grigoryan. Noble Farmers. P. 16; Smith. Recipes; Marrese. Woman's Kingdom.

¹⁸ Smith-Peter. Books Behind the Altar.

реформировать моральный и общий образовательный уровень крестьян. «Добросовестные» крестьяне работали продуктивно, а «доброе совестные» помещики справедливо ими управляли. Такова была нравственная составляющая. Но была и практическая образовательная сторона: грамотные крестьяне были способны прочитать о новейших сельскохозяйственных технологиях в библиотеке, которую Чихачев позднее основал, исходя из убеждения, что освобождение крестьян и индустриализация должны произойти постепенно, наряду с обучением крестьянских масс новым навыкам.

Кроме того, Андрей Иванович признавал, что реформа сельского хозяйства остро нуждается в грамотном руководстве, и стал поборником идеи местных школ для детей дворян (хотя сам он ранее послал своих детей в Москву для окончательной «отделки»). Он считал, что, находясь в местных школах, дети помещиков смогли бы избежать отвлекающих от добродетельного образа жизни соблазнов столиц, лучше понять родной край и его нужды, а также поддерживать более близкие связи с родителями и местным обществом. Андрей Иванович также был убежден в том, что мальчики-дворяне должны хорошо ознакомиться с делом управления имениями, отчасти потому, что им, возможно, иногда придется заняться этим самим (хотя Чихачев и не считал такое положение идеальным), особенно если, в отличие от самого Чихачева, не повезет со способной женой; главным же образом, Андрей Иванович считал, что роль мужчины состоит в том, чтобы понять философские, общественные, научные и экономические принципы землевладения и служить эффективным моральным руководителем, присматривая за «общим благом». Андрей Иванович приветствовал основание местной земледельческой школы для дворян в 1849 г., а также, как уже говорилось, основал библиотеку для крестьян и представителей средних классов, возглавив распространение образования в своем крае, хотя мог бы оставить выполнение этой задачи государству.

Как быть добросовестным воспитателем?

Екатерина II и ее советник по всем вопросам, связанным с образованием, Иван Бецкой считали родителей неспособными руководить воспитанием своих собственных детей в духе новейших тогда идей Просвещения, поэтому помимо создания государственных учебных заведений для сирот они увеличили число заведений-интернатов для детей, которые имели родителей, но предположительно с отсталыми взглядами. Андрей Чихачев и сам был сиротой, воспитанным профессиональными педагогами в довольно безликих учебных заведениях. Хотя образование у него было достаточно основательным для его времени и для человека его статуса, Андрей Иванович позднее писал о своем ощущении неполноценности и заставлял себя непрерывно читать и учиться, с тем чтобы быть компетентным учителем своих собственных детей. Согласно его описаниям своей педагогической программы и тому, как он воплотил эту программу в жизнь (судя по его дневникам), методы Чихачева радикально отличались от тех, которые ранее применялись к нему самому. Тогда как учителя Андриюши в детстве, несмотря на всю старательность мальчика, постоянно жестоко бранили его, дети Андрея Ивановича до двенадцатилетнего возраста учились у своего лю-

бимого отца и иногда у дяди. Даже учителя, которых Чихачев специально нанял для уроков немецкого и латыни, преподавали детям под его зорким наблюдением. Методы Андрея Ивановича соединили в себе дисциплину, иногда достаточно суровую, но главным образом характеризовались неустанным присутствием отца при всех заданиях, играх, путешествиях, досуге, беседах, чтении и письме детей. Итак, Андрей Иванович призывал родителей двигаться в направлении, совершенно противоположном тому, которое государство заняло по отношению к его собственному поколению: «И если вы спешите из-под родительского своего крова переместить сына в общественное заведение, где влияние ваше уже ограничится, то не медлите же запасти ему в напутствие все нужное, с тою прочностью, которая не поддается никакому товарищей влиянию»¹⁹.

Постоянный личный надзор Андрея Ивановича и дисциплина, которую он считал необходимой, принимая во внимание величайшую важность хорошего воспитания, были совершенно осознаны, поскольку основывались на его убеждении в том, что моральные аспекты воспитания более важны, чем чисто учебные, и требовали присутствия любящего нравственного и духовного наставника в виде отца. Он призывал других родителей научиться принимать эту роль, не отсылать детей к чужим людям, которые не могли обеспечить им такое же нравственное руководство. Точно так же эта обязанность не могла принадлежать и матерям, так как для Андрея Ивановича нравственное руководство было неотделимо от способности мыслить абстрактно, изучать религиозные идеи и, самое главное, осознавать себя как часть более обширного российского имперского проекта, основанного на идее прогресса во имя царя. На взгляд Андрея Ивановича, эта абстрактная сфера была самоочевидно мужской.

Заключение

В поисках ответа на вопрос, заданный в заголовке данной статьи (кто должен был отвечать за воспитание?), отметим, что в XVII и XVIII вв. российское государство объявило эту роль своей прерогативой. К XIX в. некоторые прослойки российской элиты начали считать, что эта обязанность должна быть возложена на матерей, следуя в этом новому западноевропейскому определению роли элитных женщин как воспитателей будущих граждан. В других течениях XIX в. прослеживается ориентация на еще одно заимствование с Запада — специализированное научно-технологическое обучение, которому иногда сопутствовал либеральный индивидуализм, создававший разногласия в вопросах воспитания между запросами государства и общества.

Но одновременно со всеми этими течениями, хотя и не так заметно, в России существовали и взгляды провинциальных помещиков, таких как Андрей Иванович Чихачев, которые более настороженно относились к западным новшествам (судя по всему и из религиозных, и из практических соображений) и были настроены в отношении отечественного воспитания менее пессимистично, чем интеллигенция или государственные деятели. Они предлагали альтернативный взгляд на воспитание как основной способ, благодаря которому верноподдан-

¹⁹ Чихачев. Два слова о работах... С. 563.

ные консервативные дворяне могли бы отблагодарить государство за свои привилегии и улучшить общее положение русского народа. Так получилось, что к тому времени столичные элиты уже пришли к своим собственным негативным умозаключениям о качествах провинциальных лидеров, к которым уже более не прислушивались. С современной точки зрения, представление Чихачева о провинциальном дворянстве, которое осталось бы не затронуто моральной и финансовой деградацией городской жизни и с помощью образования заняло бы свое «богоданное» место лидера прогрессивного, рационального, но по-прежнему верного и патриотического русского общества, так удалено от реалий пореформенной России, что это убеждение теперь кажется безнадежно близоруким.

Общая проблема авторитета в русской культуре середины XIX в. раскрывается в нескольких дихотомиях: село и город, мужчины и женщины, аристократия и средние классы, включавшие в себя поместное дворянство; наконец, западники и славянофилы. Невозможно точно утверждать, кто из них (если кто-то вообще) вышел из этого сражения победителем, однако совершенно точно, что поместное дворянство было стороной проигравшей, так как оно не добилося культурного влияния, а после отмены крепостного права в 1861 г. потеряло и свое финансовое благополучие. Большинство помещиков, таких как сын Андрея Ивановича, Алексей, влились в урбанизированные и образованные слои общества, часто приобретая какую-либо профессию, но при этом им нужно было расстаться с идеалом Андрея Ивановича о классе сельских землевладельцев, которые знали свое место и цель в жизни и уверенно выполняли свое назначение. Взамен осталось навязчивое чувство собственной ненужности, оставившее без связной цели или голоса то большинство образованного общества, которое заполняло идеологическое пространство между все более реакционным режимом и все более радикальной оппозицией, как раз накануне серьезных испытаний политических реформ второй половины века, а затем и индустриализации.

Провинциальные направления идеи воспитания, которые рассматривались в данной статье, и особенно идея важности роли деятельного родителя, а также относительная цельность интересов и целей нескольких средних прослоек в российском обществе видны и в более многообразном поле педагогических идей позднеимперской и ранней советской эпохи. Но все же определение образования как занятия для мужчин, которое олицетворял и всячески продвигал Чихачев, в основном исчезло из российского культурного ландшафта после освобождения крестьян, хотя мы, возможно, и наблюдаем его следы в практике учебных заведений XX в., где женщины в основном занимались рутинной педагогической деятельностью, тогда как мужчины преобладали на руководящих постах и в исследовательской деятельности, считавшейся более интеллектуальной.

Ключевые слова: Чихачев Андрей Иванович, Владимирская губерния, Земледельческая газета, Владимирские губернские ведомости, Московское общество сельского хозяйства, Тейково, поместное дворянство, крепостное право, воспитание, образование, государственная служба, Манифест о вольности дворянства 1762 г., правительство, Великие реформы, Просвещение, интеллигенция, периодика, рецепция идей, гендер, мужественность, Православие, детство.

WHOSE JOB IS UPBRINGING? ANDREJ CHIKHACHEV'S 19TH CENTURY VISION OF UPBRINGING AS STATE SERVICE

К. PICKERING-ANTONOVA

Andrej Ivanovich Chikhachev (1798–1875) was a middling provincial landowner who left an unusually rich archive of personal papers. Many of these addressed education and upbringing of children (*vospitanie*), which Chikhachev understood as a nobleman's primary role, as his duty, and even as a form of service to the state. This role was defined in contrast to a maternal role restricted to “nurturing” (providing for children and family materially through management of the household, but also of entire estates and their finances at least in some cases). The masculine role as *vospitatel'* was understood by Chikhachev as an intellectual endeavor, and as an ideal form of service to the state, even the most important form of state service that was available to most nobles after their emancipation in 1762 from obligatory, formal state service, because for Chikhachev *vospitanie* was the only means of instilling moral conscientiousness in the Russian people (nobles and peasants alike), and fighting what he saw as the destructive influences of the city and secularism. Chikhachev's newspaper articles attempted to articulate some of these views on behalf of the middling provincial nobility, emphasizing the crucial significance of *vospitanie* and education for any improvement of Russia's troubled agriculture and for the rural reform in general. However, the dominant, capital-based intellectual and political discourse failed to take heed of the provincial views. Chikhachev's notions never became the predominant voice in later developments in Russian education, but some of his views survived and were shared by the early generations of professional educators that appeared in the late 19th century, for example, his emphasis on the importance of a strong parental role in education.

Keywords: Chikhachev Andrej Ivanovich, Vladimir Province, Vladimirskaya guberniya, Zemledel'cheskaya gazeta, Vladimirskie gubernskie vedomosti, Moscow Agriculture Society, Russian provincial nobility, pomestnoe dvoryanstvo, Russian serfdom, Teykovo, vospitanie, education, state service, Emancipation of the Nobility in 1762, government, Great Reforms, Enlightenment, intelligentsiya, print culture, reception of ideas, gender, masculinity, Orthodoxy, childhood.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 107. Оп. 2. Д. 98. Л. 2 об.
2. Чихачев А. И. Мысли сельского жителя о губернской газете // Владимирские губернские ведомости. 1850. № 45. С. 249–251.
3. Чихачев А. И. Два слова о работах господских людей // Московские губернские ведомости. 1847. № 72. С. 563–564.
4. Чихачев. Патриотическое сочувствие [sic] к училищу сельского хозяйства для потомственных дворян // Владимирские губернские ведомости. 1849. № 52. С. 253–254.

5. *Cavender M.* Nests of the Gentry: Family, Estate, and Local Loyalties in Provincial Russia. Newark, 2007.
6. *Engel B.* Breaking the Ties that Bound: The Politics of Marital Strife in Late Imperial Russia. Ithaca, 2011.
7. *Frazier M.* Romantic Encounters: Writers, Readers, and the Library for Reading. Stanford, 2007.
8. *Grigoryan B.* Noble Farmers: The Provincial Landowner in the Russian Cultural Imagination. Ph.D. Diss. Columbia University, 2011.
9. *Kelly C.* Educating Tat'yana: Manners, Motherhood and Moral Education (*Vospitanie*), 1760–1840 // Gender in Russian History and Culture. New York, 2001. P. 1–28.
10. *Kelly C.* Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin. Oxford, 2001.
11. *Marrese M.* A Woman's Kingdom: Noblewomen and the Control of Property in Russia, 1700–1861. Ithaca, 2002.
12. *Marrese M.* The Poetics of Everyday Behavior' Revisited: Lotman, Gender, and the Evolution of Russian Noble Identity // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. No. 4. P. 701–739.
13. *Pickering Antonova K.* An Ordinary Marriage: The World of a Gentry Family in Provincial Russia. New York, 2012.
14. *Smith A.* Recipes for Russia: Food and Nationhood under the Tsars. DeKalb, 2011.
15. *Smith-Peter S.* Books Behind the Altar: Religion, Village Libraries, and the Moscow Agricultural Society // Russian History. 2004. No. 3. 2004. P. 213–233.
16. *Smith-Peter S.* Educating Peasant Girls for Motherhood: Religion and Primary Education in Mid-Nineteenth Century Russia // Russian Review. 2007. No. 3. P. 391–405.
17. *Wortman R.* The Russian Empress as Mother // The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research / D. Ransel, ed. Urbana, 1978. P. 60–74.